

УДК 821.161.1+82-1

**М.Ю. ЛЕРМОНТОВ
И ТАТАРСКАЯ ПОЭЗИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА
(к вопросу о междисциплинарном диалоге)**

А.З. Хабибуллина

Аннотация

В статье рассматривается диалог творчества М.Ю. Лермонтова с произведениями татарских поэтов начала XX в. Ш.М. Бабича, Дардеменда. Данный аспект исследования определяется положением о том, что Восток для М.Ю. Лермонтова был не только темой, достаточно полно проявившейся в его творчестве: в самой структуре сознания поэта были такие основы, которые типологичны восточной эстетике и культуре. Именно эта соотнесённость М.Ю. Лермонтова с важнейшими концептами восточной культуры обусловила возникновение междисциплинарного диалога, который анализируется в работе на уровне мотива пути и странничества.

Ключевые слова: междисциплинарный диалог, восточная культура, художественное мышление, мотив пути и странничества, антитеза земли и неба.

М.Ю. Лермонтов и Восток – тема, до сих пор мало изученная в нашем литературоведении, однако она представляет один из объективных и важнейших аспектов рассмотрения вопроса о восприятии творчества Лермонтова в татарской литературе. Необходимо отметить, что в филологии она исследовалась в первую очередь в аспекте восточных мотивов в творчестве М.Ю. Лермонтова. Именно этот ракурс изучения стал определяющим в целом ряде научных работ, возникших в отечественном литературоведении в XX в.

Среди работ, посвящённых связи М.Ю. Лермонтова с культурой Востока, особенно выделяются те, в которых анализируется один из значимых «восточных» концептов – концепт судьбы.

Интересный взгляд на данный концепт находим в известной работе Ю.М. Лотмана «“Фаталист” и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова». Исследователь, опираясь на известные «восточные» произведения Лермонтова («Три пальмы», «Ашик-Кериб», главы «Фаталист» и «Бэла»), обнаруживает в их содержании проявление восточной и западной особенностей в психологии героев. Важнейшие антиномии, разворачивающиеся в творчестве М.Ю. Лермонтова, – Восток и Запад, добро и зло, поэт и толпа, земля и небо – строились в его произведениях как непримиримые, контрастные. Эта полярность давала возможность рассматривать духовную жизнь России в качестве «новой» третьей сущности, некоей срединной сферы, расположенной между разными культурами. При этом своеобразным выражением «восточного» взгляда на мир становится

у Лермонтова именно фатализм, проявляющийся в этом культурном контексте весьма необычно. В названных произведениях обнаруживается двойственность героев, указывающая на их соотнесённость с культурным пространством как Востока, так и Запада. «Два полюса романтического сознания – гипертрофированная личность и столь же гипертрофированная безличность – распределяются между Западом и Востоком», – пишет Ю.М. Лотман [1, с. 222].

Особый характер мироустройства в произведениях Лермонтова подробно рассматривается в работе Е.В. Красиковой «Концепт “судьба” в космологии М.Ю. Лермонтова». В ней автор большое внимание уделяет восприятию Лермонтовым мира космоса, неба, с одной стороны, и земли – с другой. Идея судьбы как ключевая во многих произведениях М.Ю. Лермонтова раскрывается поразному, образуя своеобразную философскую иерархию. Это и представление о роке и фатуме, игре случая, и проявление действия рационального закона природы. Лишь яркие, харизматические герои Лермонтова (Мцыри, Печорин), пишет исследователь, способны на равных, как им представляется, «вести диалог с судьбой, соперничать с ней, противостоять воле неба» [2, с. 109].

Размышление о роли Востока, восточной философии можно найти в статье А.Е. Коноваловой «Тема Рока в кавказских поэмах Лермонтова» [3]. В ней автор проводит идею о двойственном отношении М.Ю. Лермонтова к исламской покорности: его фатализм, имеющий восточные корни, восходящий к восточному религиозному сознанию, тем не менее, не исключал борьбы, бунта. Иллюстрацией этому являются поэмы «Каллы», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек».

Анализируя научно-исследовательские и критические работы, посвящённые связи М.Ю. Лермонтова с Востоком, следует отметить, что в них недостаточное внимание уделяется проблеме «восточных» основ художественного мышления поэта. Вместе с тем в своих размышлениях мы исходим из идеи о том, что в самой структуре сознания поэта были такие основания, которые соотносимы с восточной эстетикой и культурой.

Близость М.Ю. Лермонтова к Востоку и восточному мироощущению обсуждалась в отечественном литературоведении и критике XX в. Так, Б.М. Эйхенбаум в своей работе «Лермонтов как историко-литературная проблема» говорит об удивительной способности поэта воспринимать чужое. Исследователь пишет: «Для послепушкинской эпохи характерна массовая тяга к чужим литературам. Не один Байрон, а и В. Скотт и Т. Мур, и В. Гюго, и Ламартин, и Шатобриан, и А. де Виньи, и Мюссе и Шиллер, и Гейне и т. д. – все эти имена становятся обиходными не только у Лермонтова, но и у всех писателей этого времени. Самое количество этих связей показывает, что перед нами факт не простого «влияния» того или другого поэта, а общего тяготения к *чужому*» [4, с. 739]¹. Внимание к чужому, о котором писал Овсяннико-Куликовский, на наш взгляд, является характерной чертой мышления Лермонтова, в котором желание понять «другие» культуры и языки, «чужое» мировосприятие в целом как приближало его к Западу, так и отдаляло от него.

Этой исследовательской точке зрения достаточно близка концепция Л.П. Гроссмана, представленная в статье «Лермонтов и культуры Востока» [5].

---

¹ Выделено Б.М. Эйхенбаумом.

Пожалуй, это одна из тех немногих научных концепций, которая даёт возможность утверждать, что связь М.Ю. Лермонтова с Востоком выходила за рамки известной проблемы «влияния», так как она касалась самых основ художественного сознания Лермонтова, определивших возникновение некоторых параллелей с этим миром.

Л.П. Гроссман в своей работе обосновывает важнейшие моменты в биографии и мировоззрении Лермонтова, в которых роль культуры и эстетики Востока была наиболее существенной. Так, говоря о формировании «восточных» взглядов Лермонтова, определяющее значение Гроссман отводит О.И. Сенковскому – известному русскому востоковеду, основателю «Библиотеки для чтения», где было опубликовано первое произведение Лермонтова «Хаджи Абрек». Как пишет исследователь, «постоянная пропаганда им этой [восточной] научной отрасли в его журнале не могла пройти бесследно для Лермонтова. Не лишено характерности, что в очень сочувственной рецензии на “Стихотворения М. Лермонтова” (СПб., 1840), помещённой в журнале Сенковского, приводятся полностью “восточные” опыты поэта: “Казачья колыбельная песнь”, “Ветка Палестины”, битва Мцыри с барсом, “Дары Терека” (по словам критика, “оно одно из самых блестящих во всем собрании, где столько блестит”))» [5].

Кроме того, сама направленность эпохи 30-х годов XIX в. для Запада и России имела ярко выраженное восточное содержание: «для России знакомство с Востоком есть предмет не простого любопытства, а насущной потребности», – замечает Л.П. Гроссман [5]. Обучаясь в Московском университете, М.Ю. Лермонтов слушал специалистов по востоковедению – профессоров А.В. Болдырева, Н.И. Надеждина, М.А. Каркунова. В частности, новый искусствоведческий курс, который читал Н.И. Надеждин, был тесно связан с культурой древнего Востока, в нём рассматривалось индийское, персидское искусство и других азиатских народов.

Несомненно, близость к духовной культуре и языку восточных народов в значительной мере была обеспечена посещением М.Ю. Лермонтовым Кавказа, его кавказскими разъездами.

По мнению Гроссмана, интерес Лермонтова к Востоку был настолько серьёзным и глубоким, что поэт предпринимает попытки начать изучать татарский язык. Хорошо известно высказывание М.Ю. Лермонтова на этот счёт: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе, — да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и пр., теперь остаётся только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским. Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой; а, право, я расположен к этому образу жизни» (цит. по [5]).

Таким образом, статья Л.П. Гроссмана «Лермонтов и культуры Востока», обращённая главным образом к биографии поэта, позволяет утверждать, что близость М.Ю. Лермонтова к Востоку была не эпизодической и случайной, она касалась тех концептуальных оснований восточного мира, которые Лермонтов хорошо понимал и чувствовал. Среди них – представления о судьбе, вере, небе, Боге.

Как было установлено нами ранее, «одним из оснований для установления типологических черт, объединяющих Лермонтова и Восток, является склонность

поэта к мышлению в антитезах. Самой распространённой антитезой в произведениях Лермонтова является «небо и земля» [6, с. 217].

Действительно, данная антитеза, наиболее полно представленная в таких стихотворениях, как «Ангел», «Выхожу один я на дорогу», «1831 июня 11 дня», «К другу», «Ночь. I», «Сон», «Звезда», была близка восточному мировосприятию, в котором представление о небе ассоциативно рождало мысли о Боге. Такое «встречное течение» было наиболее сильным и заметным в татарской литературе начала XX в. Именно в этот период в национальной литературе ярко проявились черты её идентичности, которая, как известно, не определялась строгой принадлежностью как западной, так и восточной цивилизации.

«Встречное течение» в татарской литературе начала XX в. раскрылось не только в очевидном факте «влияния» М.Ю. Лермонтова на творчество национальных поэтов, что нашло выражение, в первую очередь, в многочисленных переводах Г. Тукая, С. Рамиева, С. Сунчалая стихотворений Лермонтова на татарский язык. На наш взгляд, движение татарской литературы к М.Ю. Лермонтову определялось и тем, что его взгляд на небо, космос, мир в целом, а также те ценности, которые они рождали в сознании поэта, создавали своеобразный диалог с восточным сознанием, восточным представлением о них. Как известно, М.Ю. Лермонтов поэтизировал мир неба, в котором есть гармония, высшая красота, проявление идеала. Подобное же отношение к небу, как тайное и трудно постижимое царство Бога, Творца, было близко к тому, что мог ощущать восточный человек при мысли о нём.

Такой диалог, утверждающий с М.Ю. Лермонтовым общие ценности и идеи, своеобразно выразился в творчестве Ш.М. Бабича, талантливое татарское поэта 10-х годов XX в. Так, в стихотворении «Әйдә, күңелем» («Душа моя») Бабич, как и Лермонтов, противопоставляет красоте неба суетность земли, в которой есть место непониманию между людьми, а также войне и горю: *Әйдә, күңелем, монда торма, күккә, күккә, күккә оч! / Күккә оч, күктә тыныч... Монда – сугыш, монда – кылыч!.. // Әйдә күккә, монда ямь юк, күктә ямь бар, анда нур, / Монда нәрсә? – Ямьле сыннар... Анда хур бар, анда хур. // Әйдә, гомрем, әйдә, бәхтем, әйдә, күелем, бергаләп, / Монда булса күбәләкләр, андадыр барлык маләк* (Р., с. 192). («Душа моя, не оставайся здесь, и в небо, в небо, в небо ты возвысься! / Возвысься в небо, там спокойно... Здесь – война, здесь – сабель свист!.. // Взлетим на небо, здесь красоты нет, на небесах есть красота и рая свет. / А здесь? – Прекрасны только образы... Лишь там, в раю, душа найдёт на всё ответ. // О жизнь моя, о счастье, о, душа, мы в небо вознесёмся вместе с вами, / Здесь – бабочки земные, и лишь там прекрасным раем насладимся с ангелами»)².

Интересно отметить, что Ш.М. Бабич так же, как и русский поэт («Ангел», «Небо», «Ночь. I»), вдохновлённый красотой неба, ассоциирует его с раем – местом истинной гармонии и красоты.

В поэзии Ш.М. Бабича лермонтовские мотивы проявляются достаточно полно, что позволяет установить некие параллели между жизнью татарской литературы начала XX в., с её особой эстетикой и тем идейно-нравственным содержанием, которое было характерно для творчества М.Ю. Лермонтова. Объединяю-

² Здесь и далее подстрочный перевод наш. – А.Х.

щим эти национальные литературы мотивом, на наш взгляд, является мотивы странничества и пути, которые в поэзии Лермонтова приобрели достаточно устойчивый и связанный характер.

В творчестве М.Ю. Лермонтова мотивы странничества граничат с такими мотивами, как одиночество, смерть, любовь, и проявляются во многих стихотворениях: «Листок», «Тучки небесные, вечные странник», «Выхожу один я на дорогу», «К...» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья»), «Желание». Как отмечается в «Лермонтовской энциклопедии», «странничество обусловлено бесприютностью героя в мире устоявшихся, но уже дискредитировавших себя ценностей. <...> Странник Лермонтова не знает надежды на возвращение. Его путь бесконечен, и смерть – лишь продолжение земного пути. Его духовный мир – мир прощания и воспоминания» [7, с. 295].

В поэзии Ш.М. Бабича мотив странничества звучит в целом в лермонтовском духе. Его лирический герой также одинок, он разобщён с внешним миром, действительностью, полной противоречий и горя, что усиливает в нём протест и стремление к странничеству. Иллюстрацией сказанному является известное произведение Ш.М. Бабича «Исә жилләр» («Дуют ветры»). В нём открыто звучит этот мотив, выражающийся в стремлении героя понять будущее своего народа, брошенного в пучину трудных дорог и испытаний. По своему настроению оно созвучно стихотворению М.Ю. Лермонтова «Парус», в котором также сильно чувствуется выражение протеста и мятежность духа лирического героя: *Исә жилләр, өерелә болытлар, / Әллә давыл, әллә явымга? / Белми беркем, күпме чайкалырлар / Безнең башлар юлда, давылда?..* (Р., с. 200). («Дуют ветры, сгущаются тучи, / То ли к ненастью, то ли к дождю? / Не знает никто, сколько мучиться будут души / Наши, в буре на этом тяжёлом пути?..»).

Интересно отметить, что данный мотив, пересекающийся по содержанию с мотивом пути, достаточно полно проявился и в творчестве Дардеменда – татарского поэта начала XX в. В его известном стихотворении «Кораб» («Корабль»), напоминающем «Парус» Лермонтова, создаётся символический образ корабля и одиночества. Как отмечает Ю.Г. Нигматуллина в своей работе «Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур», в стихотворении Дардеменда «символ одиночества превращается в символ общности, единство судьбы поэта и народа, захваченных водоворотом истории: *Чыкты жилләр, / Купты дулкын – / Ил корабын жил сөрә!..* (Подули ветры, / Разбушевалась волна – / Ветер мчит корабль отчизны...). <...> Тревожная мысль о будущем (что станет с нами?) выговаривается здесь в публицистической форме» [8, с. 120].

Таким образом, в произведениях Ш.М. Бабича и Дардеменда мотивы странничества и пути соотносятся со многими стихотворениями М.Ю. Лермонтова (особенно с «Парусом»), однако в их творчестве они звучат в свете размышлений о будущем своего народа, который попал в трагическое положение в период великих потрясений в России.

Вместе с тем здесь важен и другой аспект. По мнению И.А. Киселевой, в стихотворении «Парус» существует иной, скрытый, пласт содержания: данное произведение обладает характерной для романтизма религиозно-мистической аурой. Созданная поэтом картина гармонии (*Под ним струя светлей лазури, / Над ним луч солнца золотой*) приближала к Богу, но душа М.Ю. Лермонтова

была не готова к восприятию благодати мира. «Рай для поэта определяется внутренним состоянием, сердечным чувством», – пишет И.А. Киселёва [9, с. 42]. Этот потаённый уровень содержания, выводя мотив пути к представлению о Боге и богопознанию, по-своему диалогичен, так как он также позволяет выстроить параллель со стихотворением Ш.М. Бабича «Исә жилләр» («Дуют ветры»), где татарский поэт пишет о страданиях своего народа, о муках его души в движении к своему будущему. Обращённость к этому образу – образу мятежной души – сближает стихотворения двух поэтов, указывая на их соотнесённость и близость в понимании Бога как вершины человеческого поиска.

Из сказанного видно, что во многих произведениях Ш.М. Бабича размышление о странничестве в период испытаний становится свойством не столько лирического героя, сколько его беспокойной и мятежной души. Движение души – от земли к небу или от неба к земле – совершается в свете лермонтовского идеала. Так, в образе неба, куда устремляется душа, татарский поэт находит черты совершенной красоты. Наиболее ярко это иллюстрируют такие стихотворения Ш.М. Бабича, как «Әйдә, күңелем» («Душа моя»), «Күңел» («Душа»), «Уйлап, уйлап» («Размышляя, раздумывая»). Исходя из их содержания, можно утверждать, что образ души здесь выступает как самостоятельный (по сравнению с поэзией М.Ю. Лермонтова); он предстаёт как нечто существующее отдельно от лирического героя. Наиболее ярко это иллюстрирует стихотворение «Күңел» («Душа»).

Во многом такая черта поэтики данных произведений соответствует национальной идентичности татарской литературы. Как известно, генетические корни литературы татарского народа уходят на арабо-мусульманский Восток. В мировосприятии представителя восточной культуры душа могла идентифицироваться как то, что существует отдельно от человека; к тому же данный образ в литературе часто противопоставлялся сердцу как более низкая часть человека, которая сравнивалась с плотью.

Так, в стихотворении Ш.М. Бабича «Күңел» («Душа») бытие лирического героя как бы уходит на второй план. Главное содержание этого стихотворения занимает движение, путь души, которая не может на земле найти покой и гармонию. Душа здесь болит, ноет, плачет, горит, и лишь в надежде на Бога она находит примирение с миром: *Күңел газәпланмый, тыныч тора, / Веждан аны каты сүккәндә; / Нурлы булсын диеп киләчәгем, / Бер Ходайдан өмет иткәндә* (Р., с. 190–191). («И не страдает душа моя, она спокойна, / Когда её отчитывает совесть строго; / Когда она надеется на Бога, / И верит, что будущее светло и достойно»).

Путь души лирического героя Ш.М. Бабича связан с её изменением, в котором обнаруживается то, что трудно найти в стихотворениях М.Ю. Лермонтова: согласие героя со своей судьбой, Богом, миром в целом (ср. «Выхожу один я на дорогу», «Листок», «Парус»). И неслучайно движение души лирического героя Бабича – это также своеобразный путь, приносящий душе и её обладателю успокоение и даже счастье.

Такое движение, имеющее в основном не внешний, а глубоко внутренний характер, выступает устойчивым образом в лирике татарского поэта. Достаточно полно это раскрывает содержание стихотворения «Бер минут» («Одна минута»).

В нём говорится о горении души, которое лирический герой воспринимает как благо, высшая ценность: *Бер минута таиты күңлем, бер минута булды ут, / Бер дә янды, бер дә туңды – бары да булды бер минут. <...> // Ул [күңел] яна... чү, сипмәгез су, әйе, ул янсын әле!.. / Янган утлар күзләремнән яшь булып тамсын әле! // Там, минем куз яшьләрем, там, там, тамып тор мәңгегә, / Ян, минем ак күкрәгем, ян, ян, янып тор мәңгегә* (Р., с. 170). («Одна минута – и душа нырнёт и взметнёт в глубину, / То взовьётся огнём, то застынет в минуту одну.<...> // Она [душа] горит... постойте, не тушите, пусть горит!.. / Огни, горящие в глазах моих слезами, обернутся пусть! // О, слёзы, мои слезы, вы вечно капайте из глаз моих, / Гори, незапятнанная грудь моя, ты вечно гори и гори»).

Такое движение души, своего рода её путь – от лирического субъекта к Богу, Вселенной (на это указывает слово *мәңге* («вечно»)) – затмевает внешнее движение лирического героя Ш.М. Бабича. Странничество лирического героя здесь трансформируется в представление о его духовном пути и внутреннем перерождении. Горение души вызывает ассоциации с горением в пламени любви как традиционного суфийского мотива. Несмотря на то что стихотворение Бабича лишено глубокого мистического содержания, образы горящей души и слёз потенциально создают представление о Боге, формируя в стихотворении восточный код.

Движение души к Богу наиболее ярко передаёт особенность восточного типа мышления татарского поэта, его соотнесённость с главными концептами восточной культуры, среди которых особое место занимает представление о Боге как основе всего мироздания, признание его воли с помощью духовного поиска. В суфийской литературе это движение – от человека к Богу – называлось *тарика*, то есть путь. Черты восточного мироощущения Ш.М. Бабича, по-своему проявившиеся в данном стихотворении, позволяют понять, почему данный мотив – мотив пути – имеет иную определённость, чем в лирике М.Ю. Лермонтова. В таких стихотворениях Лермонтова, как «Стансы» («Не могу на родине томиться»), «К Сушковой» и др., также встречается мотив горения любви, однако он полностью лишён мистицизма. Поэт пишет о горении огня в груди: *Вблизи тебя до этих пор / Я не слыхал в груди огня* («К Сушковой») (Л., с. 56); *Видеть смерть мне надо, надо крови, / Чтоб залить огонь в груди моей* («Стансы») (Л., с. 120). Огонь здесь выступает образом, передающим муки, глубокие страдания поэта, через которые, однако, не выстраивается, а, напротив, отрицается путь к Богу; в стихотворении усиливается момент самопознания героя М.Ю. Лермонтова. Огонь же в стихотворении Ш.М. Бабича «Бер минут» («Одна минута») существует в субстанции души, что потенциально усиливает связь лирического героя с Богом.

Таким образом, восточные основы в художественном мышлении М.Ю. Лермонтова дают возможность выявить те параллели, которые объективно и естественно возникали в жизни русской и татарской литературы в аспекте их диалога. Внимание Лермонтова к Востоку, его сопричастность к главным концептам «чужой» культуры обусловили поэтическую соотнесённость, а также диалогичность тех идей и мотивов, которыми богата лирика М.Ю. Лермонтова, с творчеством татарских поэтов начала XX в.

Summary

A.Z. Khabibullina. M.Yu. Lermontov and Tatar poetry at the Beginning of the 20th Century (On the Issue of Interliterary Dialogue).

The paper discusses the dialogue between the literary works of M.Yu. Lermontov and Tatar poets of the early 20th century (Sh.M. Babich and Dardemend). The study is based on the proposition that the East and its culture did not only constitute the topic covered quite well by M.Yu. Lermontov, since there were foundations associated with the Eastern aesthetics and culture in the very structure of his consciousness. It was this relationship between M.Yu. Lermontov and the most important concepts of the Eastern culture that led to the inter-literary dialogue, which is analyzed in this paper in terms of the motive of wandering and path.

Keywords: interliterary dialogue, Eastern culture, artistic thinking, motive of wandering and path, antithesis of heaven and earth.

Источники

- Л. – *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: в 2 т. – М.: Правда, 1988. – Т. 1. – 719 с.
Р. – *Рамиев С.Л., Бабич Ш.М.* Произведения. – Казань: Магариф, 2005. – 287 с.

Литература

1. *Лотман Ю.М.* «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – С. 218–234.
2. *Красикова Е.В.* Концепт «судьба» в космологии М. Лермонтова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2004. – № 5. – С. 104–112.
3. *Коновалова А.Е.* Тема Рока в кавказских поэмах Лермонтова // Литературоведческий журнал. – 2006. – № 20. – С. 16–25.
4. *Эйхенбаум Б.М.* Лермонтов как историко-литературная проблема // М.Ю. Лермонтов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: РХГИ, 2002. – Т. 1. – С. 725–754.
5. *Гроссман Л.* Лермонтов и культуры Востока // Фундаментальная электронная библиотека (ФЭБ). Русская литература и фольклор. – URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/l43/l43-673-.htm>, свободный.
6. *Хабидуллина А.З.* Диалог Востока и Запада в творчестве М.Ю. Лермонтова в оценках критиков и исследователей XX века // Филол. науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4 (34), Ч. 1. – С. 215–219.
7. *Кедров К.А.* Странничество // Лермонтовская энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1981. – С. 295–296.
8. *Нигматуллина Ю.Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. – Казань: Фэн, 1997. – 191 с.
9. *Киселёва И.А.* Стихотворение Лермонтова «Парус»: поэзия духовной перспективы // Литературоведческий журнал. – 2006. – № 20. – С. 40–48.

Поступила в редакцию
04.02.15

Хабидуллина Алсу Зарифовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru